

Мармеладов

Мармеладов, пьянчужка-чиновник, обратившийся в нищего, в кабацкого оратора, потерявший человеческий образ до того, что согласился продать в жертву публичному разврату родную дочь. В красноречии среди пьяных посетителей харчевни он ищет утешения и как бы возмездия за свое нищенство, за свои домашние горести и унижения. Он выносит на суд и осмеяние этой грязной публики все тайны своей семьи и своей судьбы. Он рассказывает им при общем хихиканьи как его «единородная дочь... по желтому билету пошла», как несправедлива к нему его Катерина Ивановна, какой он «прирожденный скот» и свинья, потому что даже «косыночку ее из козьего пуха тоже пропил, дареную, прежнюю, ее собственную», а она, Катерина Ивановна, «в работе с утра до ночи, скребет и моет, и детей обмывает».

Но и ему-то самому что делать?

«Милостивый государь, милостивый государь, ведь надобно же, чтобы у всякого человека было хоть одно такое место, где бы и его пожалели!»

Глубоко потрясает монолог этого горемыки-нищего, которым он заканчивает свое пьяное ораторство:

«Да! меня жалеть не за что! Меня распять надо, распять на кресте, а не жалеть! Но распни, судия, распни и, распяв, пожалей его! И тогда я сам к тебе пойду на пропятие, ибо не веселья жажду, а скорби и слез!.. А пожалеет нас Тот, Кто всех пожалел, и Кто всех и вся понимал, Он Единый, Он и Судия!.. И простит мою Соню, простит, я уж знаю, что простит... Я это давеча, как у ней был, в моем сердце почувствовал!.. И всех рассудит и простит, и добрых и злых, и премудрых и смиренных... И когда уже кончит над всеми, тогда возглаголет и нам: “Выходите, скажет, и вы! Выходите, пьяненькие, выходите, слабенькие, выходите, соромники!” И мы выйдем все, не стыдясь, и станем. И скажет: “Свиньи вы! образа звериного и печати его; но приидите и вы!” И возглаголят премудрые, возглаголят разумные: “Господи! почто сих приемлещи?” И скажет: “Потому их приемлю, премудрые, потому приемлю, разумные, что ни единый из сих сам не считал себя достойным сего”... И прострет к нам руце свои, и мы припадем... и заплачем... и всё пойдем! Тогда всё пойдем!.. и все поймут... и Катерина Ивановна... и она поймет... Господи, да придет царствие твое!»

Этот пьяный вопль отчаяния достигает высоты и силы пророческого обличения; словно устами жалкого нищего возглаголила в глаза торжествующему миру в каком-то вдохновении безумия та беспощадная правда, которая не раз потрясала его совесть, то шутовскими выходками юродивого, то горькими укоризнами проповедника.

По Е. Маркову

В середине 1860-х годов заметно выдвинулась проблема «трезвости», в связи с чем был проведен ряд мероприятий, вызвавших отзвук в газетной и журнальной прессе.

На фоне этих многочисленных статей, вскрывающих связь алкоголизма с проституцией, туберкулезом, безработицей, нищенством, брошенными детьми, физическим вымиранием целых семейств, с полной ясностью выступают главные линии истории Мармеладовых в романе Достоевского «Преступление и наказание».

В мировой литературе, где тема пьянства разрабатывалась обычно с ее веселой и беспечной стороны, едва ли не впервые раскрывалась во всей своей гнетущей безнадежности простая и грозная история распада и гибели целой семьи, подточенной страшным «казенным» ядом.

Тема Мармеладовых не только необыкновенно углубляла общий трагический колорит «Преступления и наказания», но одновременно связывала роман с одной из тем пере-

---

довой общественной мысли, сообщая истории Раскольникова ту «визу времени», которую всегда стремился отметить свои страницы Достоевский.

К этому мог прибавиться и ряд личных впечатлений. В известном смысле прототипом Мармеладова был первый муж Марьи Дмитриевны Достоевской (первой жены писателя) Александр Иванович Исаев, мелкий сибирский чиновник, страдавший жестокими запоями.

Тема пьянства могла интересовать Достоевского и по некоторым семейным обстоятельствам: как известно, отец писателя и его младший брат Николай были запойными алкоголиками. («Алкоголизм моего деда, – сообщала дочь писателя, – был роевым почти для всех его детей. Его старший сын Михаил и самый младший Николай унаследовали эту болезнь... Эпилепсия моего отца была, очевидно, следствием той же причины».)

Так общественные и личные моменты, переплетаясь в сознании романиста, вызвали к жизни один из величайших образов его творчества.

По Л. Гроссману